

УДК 811.511:142; 39

DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-4-705-711

Структурная организация медвежьих песен, сопровождающихся танцем

Р. М. Потпот

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Белоярский, Российская Федерация,
ugraomnilife@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена выявлению и описанию сюжетов, переданных фольклорными формулами и типическими местами, представляющими структурную организацию песен для сопровождения танца.

Цель: выявить и описать постоянные элементы, представляющие структурную организацию песен, сопровождающихся танцем, из цикла медвежьего праздника.

Материалы исследования: тексты медвежьих песен *Йакты ар*, записанные Евой Шмидт и автором статьи. Их названия могут варьироваться *Йакты йох ар* ‘Песня танцующих людей’, *Хө йакты ар* ‘Песня танцующих мужчин’, *Хө йак ар* ‘Песня мужского танца’, *Не йакты ар* ‘Песня танцующих женщин’, *Не йак ар* ‘Песня женского танца’.

Результаты и научная новизна. Впервые подвергаются культурологическому анализу песни из цикла медвежьего праздника, сопровождающиеся танцем *Йакты ар* (букв.: танцующая песня), для выявления сюжетных эпизодов структурной организации и описания языковой картины мира, представленной в этих песнях. Нами выявлены постоянные элементы в структурной организации этих фольклорных произведений: описание зрителей, т. е. участников праздника, танцоров, их одежды, характеристики самого танца, того, кому танец адресован, и обращение певца к медведю. Эти фольклорные формулы представлены информативным речевым жанром «обращение».

Ключевые слова: фольклорные формулы, медвежьи песни, хантыйские танцы, культурологический анализ, структура текста

Для цитирования: Потпот Р. М. Структурная организация медвежьих песен, сопровождающихся танцем // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 4 (59). С. 705–711.

The structural organization of the Bear songs accompanied by the dances

R. M. Potpot

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Beloarsky, Russian Federation,
ugraomnilife@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the identification and description of the plots presented in folklore by the formulas and typical places representing the structural organization of songs accompanied by the dances.

Objective: to identify and describe the permanent elements representing the structural organization of songs accompanied by the dances from the cycle of the Bear Holiday.

Research materials: the texts of the Bear songs *Jakty ar* (lit.: Dancing song), recorded by Eva Schmidt and the author of the article. Their names can vary: *Jakty jokh ar* ‘Song of dancing people’, *Hө jakty ar* ‘Song of dancing men’, *Hө jak ar* ‘Song of a man’s dance’, *Ne jakty ar* ‘Song of dancing women’, *Ne jak ar* ‘Song of a woman’s dance’.

Results and novelty of the research: for the first time, songs from the cycle of the Bear Holiday accompanied by the dance *Jakty ar*, are subjected to cultural analysis to identify plot episodes of structural organization and description of the linguistic picture of the world presented in these songs. We have identified permanent elements in the structural organization of these folklore works: description of the audience, i. e. the participants of the Holiday, dancers, their clothes, characteristics of the dance itself, an addressee of the dance, and the singer’s address to a bear. These folklore formulas are represented by such informative speech genre as an “appeal”.

Key words: folklore formulas, Bear songs, Khanty dances, culturological analysis, text structure

For citation: Potpot R. M. The structural organization of the Bear songs accompanied by the dances // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2024; 14 (4/59): 705–711.

Введение

Обрядовый комплекс медвежьего праздника играет большую роль в культуре обско-угорских народов. Е. Шмидт отмечала, что «Медвежий праздник за свою долгую историю, как магнит, втянул в себя невероятно богатое фольклорное творчество – особенно это касается драматических жанров. В качестве центрального и часто повторяющегося комплекса культ и обрядность медведя были одними из основных носителей норм мировосприятия, поведения и художественного творчества. Они играли огромную роль в традиционном этническом воспитании» [17, 175].

Обрядовые песни медвежьего праздника привлекают исследователей. «Язык песен как фольклорного жанра оказывается весьма сложным лингвистическим феноменом как для исследователей, поскольку песни представляют собой материал, сложный для чтения, расшифровки или записи, перевода для профессиональных лингвистов, но и для тех, для кого язык песен является родным и которые обладают возможностью соотносить друг с другом разные формы языка» [14, 41]. К изучению песенного фольклора обских угров учёные обращаются на протяжении многих лет. Б. Мункачи исследовал поэтические формы стихосложения манси [20], в трудах А. О. Вайсенена представлена музыковедческая обработка и взаимосвязь текста и мелодии звуковых записей К. Ф. Карьялайнена и А. Каннисто [22]. В. Штейниц описал систематизацию метрических разновидностей хантыйского стихосложения [21]. Анализ его текстов по синтаксическим закономерностям стихосложения выполнил Р. Аустерлиц [18], а также провёл исследования о соотношении текста и мелодии в мансийских песнях на основе записей Б. Кальмана [19]. К медвежьим песням как материалу исследования обращаются и современные учёные. Поэтику обрядовых песен описывает А. А. Гриневич [1], Песню Пелымского Торума анализирует Т. А. Молданова [8]. Нами рассмотрен язык медвежьих песен, представляющих орноморфные облики божеств [10]. Культурологический анализ песни «*Пойтэк ими ар*» о важности семейных ценностей, верности и постоянства свидетельствует, что «фольклорный текст не просто описывает мир, он вступает с ним в сложные взаимоотношения, раскрывающиеся в языке» [11, 185]. Песни *луултэп*, в которых сконцентрировано большое количество типических выражений и фольклорных формул,

«показывают сложную модель традиционного мира, отношения между людьми, между людьми и божествами» [12, 248]. Е. Д. Каксина исследует феномен «дороги» в традиционной культуре казымских хантов на материале обрядовых песен медвежьих игрищ [5], а также образ кулика в посвящённой этой птице песне из цикла медвежьего праздника [4]. А. А. Гриневич описывает структурную организацию хвалебных песен медведю *кайёйэу ар* и приходит к выводу, что они «представляют собой весьма разнородный материал, разной степени типизации» [3, 24].

Обрядовый язык медвежьих песен отличается от повседневной речи хантов. Он состоит из тавтологических формул и повторов, цель которых – изменение человеческого сознания и выход из повседневности в более высокую сакральную реальность; эвфемизмы, табуированная лексика, архаичные слова создают особый возвышенный стиль. Медвежьи песни состоят из фольклорных эпитетов или формул, представляющих очень древние черты. Конструкцию поэтических формул медвежьих песен описала А. А. Гриневич [2]. Н. Рошияну считает, что формула – это речевая единица, которая повторяется неоднократно в одном или нескольких фольклорных текстах. Спецификой обско-угорского фольклора является переходность формул из одного жанра в другой. Эти формулы «возникли и отшлифовывались в ходе длительного живого бытования как результат богатого и разнообразного художественного опыта. Являясь плодом сложного творческого процесса, в котором принимали участие десятки поколений, общие места выступают как характерный элемент традиции в устном народном творчестве и вместе с другими традиционными элементами образуют всеобщее достояние носителей фольклора» [13, 4]. Формула содержит повторы, тавтологию и табуированную лексику, что усложняет расшифровку текста и его перевод. Но и перевод не всегда раскрывает языковую картину мира данного этноса, необходим культурологический анализ фольклорного произведения. Под структурой медвежьих песен мы понимаем последовательность эпизодов (типических мест), состоящий из устойчивых фольклорных формул, представляющих общую тему.

Материалы и методы

Материалом нашего исследования послужили четыре песни медвежьих игрищ *Йакты ар*, записанные Е. Шмидт в 1991 г. у Тарлина Семёна

Егоровича (1932–2017) и одна – Юхлымова Петра Ивановича (1935–2009). Эти песни были расшифрованы Е. Шмидт и записаны в финно-угорской транскрипции, на русский язык и кириллицу переведены автором статьи. Также анализируются семь песен, сопровождающиеся танцем, исполненные Ерныховым Андреем Александровичем (1944 г. р.), записанных нами во время медвежьих игрищ, проведённых в с. Казым Белоярского района ХМАО-Югры в 2010 г. Тексты этих песен расшифрованы и переведены на русский язык автором статьи.

Исследование выполнено с помощью описательного метода, лингвистического и культурологического анализа текстов песен.

Результаты

Танцы являются обязательной частью медвежьих игрищ. Песни, сопровождающиеся танцем, поют во время обрядового медвежьего праздника и отделяются от других медвежьих песен посредством окуривания помещения. Казымские ханты танцуют в сопровождении песен, в отличие от манси, исполняющих танцы под музыкальный инструмент санквылтап.

Песни, сопровождающиеся танцем, выполняют функцию духовного сближения певца и адресата, в них певец представляет танцующего, хвалит его танец и обращается с просьбой к медведю. Есть несколько версий, для чего необходимо танцевать всем присутствующим на празднике. В. В. Сенкевич-Гудкова объясняет это тем, что медведь пошлёт урожай ягод, обеспечит удачу на охоте и хороший приплод оленей [13, 158]. Т. А. Молданов пишет, что современные ханты считают, что, когда танцуешь на празднике, сила медведя передастся танцору, и он не напугает в лесу [7, 137].

Для обозначения зрителей на медвежьих игрищах самым распространённым типическим выражением в разных вариантах является: *Омсэм(ө) хот тёл(ө) ар хөйём(ө)*, / *Омсэм(ө) хот тёл(ө) ар найём(ө)* ‘В доме, полном [людей], сидит много мужчин=моих, / В доме, полном [людей], сидит много женщин (букв.: богинь=моих)’. Т. А. Молданова отмечает: «В типических формулах сакральных текстов никогда не встречаются бытовые слова-обращения *ими* ‘женщина’, *ики* ‘мужчина (зрелого возраста)’» [8, 28]. Нам встретилось

обращение *икэв, имэв* в песне, исполненной П. Е. Юхлымовым (с. Полноват), для обозначения зрелого возраста героя, певец поёт *ицўлы опэт* ‘седые волосы’. В остальных случаях для обозначения мужчин используются лексемы *хө* ‘мужчина (молодой)’, *вөрт* ‘божество (мужского рода)’, многочисленные женщины, пришедшие на медвежьи игрища, обозначаются лексемами *най* ‘божество женского рода’, *не* ‘женщина’.

Для обозначения большого количества людей, участвующих в празднике, в формулах повторяются слова и выражения: *ар* ‘множество, много’, *хот тёл* ‘полный, наполненный дом’: *Хөләм көрты вўшэв эвалт, / Ыйј көрты вўшэв эвалт / Акмишјәм ицўлы опэт, / Щўлы опэт ар икэв, / Омсэм хот тёл йинтпән карты, / Щўлы опэт ар имэв*¹ ‘Из трёх поселений, / Из четырёх поселений / Собравшиеся много мужчин=наших с седыми волосами / С седыми волосами много мужчин, / В доме, полном [людей], сидит много женщин с седыми волосами, [державших] железные иглы’. Все эти приёмы в совокупности создают эффект многочисленности людей, прибывших на медвежьи игрища для почитания медведя. В песнопении повтор элемента *ар* ‘много, множество’ «играет некую магическую роль “навораживания” обилия, изобилия и даёт ощущение торжества жизни, многочисленности её проявления» [8, 102], а также символизирует единство людей, почитающих и сохраняющих свои традиции.

Фольклорные формулы, представляющие танцоров, разнообразны, поскольку, как отмечает Т. А. Молданов, «песен сопровождения индивидуальных танцев может быть бесконечное множество, так как для каждого танцующего исполняется только его вариант песни» [7, 142]. Если танцует молодой человек, то исполнитель поёт: *Олән нухэс хәнмал ай вөртэн(ө)* ‘Молодой мужчина (букв.: божество), добывший первого соболя’; *Олән нухэс(ө) хәнмал вөрт(ө)* ‘Мужчина (букв.: божество), добывший первого соболя’; *Олән нухэс(ө) хәнмал кят вөрт* ‘Двое молодых мужчин (букв.: божеств), добывшие первого соболя’ [ПМА]. Для обозначения женщин существуют другие эпитеты: *Русан ухшам(ө) пунмау кят най(ө)* ‘Две женщины (букв.: богини), покрытые платками с кистями’; *Русан ухшам(ө) пунмау ар най(ө)* ‘Множество женщин (букв.: богинь), покрытые платками с кистями’

¹ Архив Белоярского филиала ОУИПИИР. Рукописи Евы Шмидт БЯФ 1/29.1 д. Юильск, Белоярский район, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра 07.01.1991 (информант Юхлымов Пётр Иванович, 1935–2009).

[ПМА]. В песнопениях мужчины характеризуются как удачливые охотники, добытчики. Всё, что связано с обрядовым комплексом медвежьих игрищ, совершают тоже мужчины. Женщины являются украшением и зрителями праздника, платок с кистями символизирует сохранение духовной целостности женщины, он маркирует мужское и женское пространство, взгляд женщины на мир через бахрому кистей платка имеет защитную функцию.

Обязательным действием перед танцем является поклон медведю, который также зафиксирован в тексте песен следующими фольклорными формулами: *Ухлэп вульй(ө) холэп ухэл(ө) / Лъывици долъи(йө)ийэлмэл(ө). Шци йүпсу хө(йө) йүпина(йө) / Хятэл паран(ө) ланэт сэви(йө) / Лъывици керли(йө)ийэлмэл(ө)* ‘Среди других важных голов свою голову склонив в поклоне, / Они тоже постояли. Вот после всего этого / Семь поворотов по движению солнца / Они повернулись’; *Шайши песан(ө) йсмэн ухэл(ө) / Лъувци пуны(йө)ийэлмэл(ө)* ‘Священную голову свою в поклоне / Он ведь склоняет’ [ПМА].

В структуре песен «*Йакты ар*» выделяется описание одежды танцующих. Т. А. Молданов описывает ритуальную одежду, в которую облачается актёр, «в соответствии с представлением о данном покровителе» и её обязательные элементы: халат, шапка, рукавицы, пояс [7, 300]. В анализируемых песнях они представлены следующими формулами, описывающими:

шапку: *Кяры пана(йө) хуца ййм мил(ө) / Лъув пуны(йө)ийэлмэл(ө)*, ‘Хорошую шапку [остроконечную, как нос] стерлядки Он надевал’;

рукавицы: *Кяры пана(йө) хуца кят пос(ө) / Лъув пуны(йө)ийэлмэл(ө)* ‘Две рукавицы, словно стерлядки, / Он надевал тоже’;

мужской пояс: *Сяран сыртэн(ө) послэн айтэн(ө) / Лъув айтти(йө)ийэлмэл(ө)* ‘Пояс с украшениями, похожими на зырянские, / Он надевал’;

платок: *Русан ухам(ө) пунман ар най(ө) / Лъывици долъи(йө)ийэлмэл(ө), / Хятэл ханшан(ө) вөн ухам(ө) / Лъыв пуны(йө)ийэлмэл(ө)* ‘Много женщин (букв.: богинь), покрытых платками с кистями, / Они тоже выходили, / Большие платки с узором солнца / Они надевали’ [ПМА].

После представления исполнителей танца и похвалы их мастерству и красоте певец обраща-

ется к медведю, призывая его обратить внимание на танец. Формулы представлены императивным речевым жанром: *Төрэм вөны(йө) нярэн пушах, / Ньөрэм вой(ө) ай пушах, / Ванта, ванта(йө), ванта па(йө)! ванта па(йө)!¹* ‘Великого Торума священный детёныш, / Тундрового зверя маленький детёныш, / Смотри, смотри, смотри ещё!’. Императивный речевой жанр указывает «на характер осуществления не осуществлённых действий автором, адресатом» [16, 25]. По мнению А. А. Ляшенко, одна из разновидностей этого жанра «предусматривает наличие нескольких формальных показателей: наличие слова “смотри” с особой повелительной интонацией <...> и наличие обращения к исполнителю» [6, 104].

Наибольшее количество эпитетов посвящено самому танцу. Самыми распространёнными формулами танца являются: *Йош апэр(ө) төс йака(йө), / Күр апэр(ө) төс йака(йө)* ‘Умелый танец резвыми руками, / Резвый танец проворными ногами’; *Лепэт тунты(йө) ньанра сөн(ө) / Лъувци хайрайт(ө)ийэлмэл(ө)* ‘Гнущейся чашей из мягкой бересты Он [танцор] ведь изгибается’. Исследователи отмечают «магические движения в танцах» [15, 9], «реликт магических танцев древнего охотника» [7, 141]. На наш взгляд, это подтверждается типическими формулами, в которых поётся о том, что танцор заставляет зрителей засмотреться на его танец и не обращать внимания ни на что другое, кроме танца: *Омсэм хот тел(ө) ар хөйэн(ө), / Омсэм(ө) хот тел(ө) ар найлан(ө), / Ольмэм лүки(йө) вулажа(йө) / Нын, сяр, ольмэлт(ө)тылэлэн(ө)! Кярлэм йоши(йө) олэнлэн(ө) / Нын, сяр, пясэл(ө) тылэлэн(ө)! Мүлэн хотхяр(ө) ар нампрэн(ө) / Овэн хотхяр(ө) пелкэла(йө) / Нын, сяр, талъи-и(йө)лэлэн(ө)! Овэн хотхяр(ө) ар нампрэн(ө) / Мүлэн хотхяр(ө) пелкэна(йө) / Нын, сяр, талъи-и(йө)лэлэн(ө)! Омсэм(ө) хот тел(ө) ар хөйэн(ө) / Нын, сяр, пясэл(ө)тылэлэн(ө)!²* ‘Многих мужчин, сидящих в доме, полном [людей], многих женщин (букв.: богинь), сидящих в доме, полном [людей], / Заставьте-ка вы их засмотреться [на ваш танец], как засмотревшихся глухарей! Заставьте-ка вы их руки онеметь [от неподвижного сидения]! Много мусора передней части дома в сторону двери вы перенесите-ка [своим танцем]! Много мусора из части дома у двери в

¹ Архив Белоярского филиала ОУИПИИР. Рукописи Евы Шмидт БЯФ 1/30.1 д. Юильск, Белоярский район, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра 07.01.1991 (информант Тарлин Семён Егорович, 1932–2017).

² Архив Белоярского филиала ОУИПИИР. Рукописи Евы Шмидт БЯФ 1/30.1 д. Юильск, Белоярский район, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра 07.01.1991 (информант Тарлин Семён Егорович, 1932–2017).

сторону передней части дома вы перенесите-ка [своим танцем]! / Много мужчин, сидящих в доме, полном [людей], / Заставьте-ка вы их оцепенеть!'; *Сохлэн хотхяр(ө) сохэллан(ө) / Ыймэц лэнкэр циплэн сыйа(йө) / Нын, сяр, навты(йө) илэн(йө)* 'Доски дощатого пола / В свистящий звук пискливых мышей / Вы ведь превращаете'; *Йош апэр(ө) төс йака(йө) / Лүв ци долби(йө) ийэлмал(ө), / Лэпэт тунты(йө) ньаьра сөн(ө) / Лүв ци хайралт(ө) ийэлмал(ө)* 'На искусный танец резвых рук / Они ведь вставали, / Гнущейся чашей из мягкой бересты / Они ведь изгибаются'; *Сохлэн хотхяр(ө) күтпэна(йө) / Йошэн апэр йакэна(йө), / Күрэн апэр йакэна(йө) / Лын ци долби(йө) ийэлман(ө)* 'На середину дощатого пола / На танец резвыми руками, / На танец проворными ногами / Они ведь вставали' [ПМА].

В структуре этих песен присутствуют типические формулы обращения людей к медведю, просьба. Люди и медведь связаны лесом, поэтому очень важно, чтобы каждый ходил своей дорогой и их пути не пересекались во время сбора ягод или других дел: *Тэрэм вёны(йө) нярэн сорьни(йө), / Тэрэм сүс хөй(ө) пелкала(йө), / Воьцэмут воьцты(йө) кашэн пэнт(ө) / Лүв ки долби(йө) ийэлмал(ө) / Кят йүхи(йө) вүрмал сай(ө), / Хөлэм йүхи(йө) вүрмал сай(ө) / Камэлта хайи(йө) ийэлтэ(йө)...* 'Драгоценное золото великого Торума [т. е. медведь], / Когда наступит осень (букв.: Торум стороной осеннего мужчины повернётся), / Если ты встанешь (букв.: если он встанет) на желанный путь сбора ягод, / За двумя деревьями стороной, за тремя деревьями стороной ты [медведь] их [танцующих] обходи' [ПМА].

При обращении к медведю используется форма личного местоимения 3-го л. ед. ч. как традиционная для хантыйского этикета форма вежливости: «Вежливость выражается в выборе местоимения *йиw* 'он / она', с помощью которого говорящий называет третье лицо. Данное личное местоимение, во-первых, указывает на лицо, к которому обращена речь. Во-вторых, указывает на социальный статус участников речевого акта. Так в хантыйском языке выражается кате-

гория вежливости» [9, 236]. Медведь считается младшим братом хантыйского человека, форма вежливости выбирается для того, чтобы подчеркнуть его высокий статус.

Песню и танец исполнители адресуют медведю, а он кладёт их в свой «ненаполняемый кузов» – душу, затем возвратит охотнику удачей во время охоты, а женщинам в виде благополучия в семье, здоровья детей и обойдёт людей стороной во время сбора ягод: *Күрэс вёны(йө) нярэн пушэх(ө) / Ванта, ванта(йө), ванта па(йө)! Текэнланэн(ө) воьцпэна(йө), / Текэнланэн(ө) хинтэна(йө), / Нәһ, сяр, пуны(йө) илэлэ(йө)!¹* 'Великого Торума драгоценное дитяtko, / Смотри, смотри же! , Ненаполняемую свою набирушку для ягод, / Ненаполняемый свой короб для ягод / Здесь ты наполни!'.

Обсуждение и заключение

Проведённый нами анализ показал, что песни, сопровождающиеся танцем, содержат типические фольклорные формулы, характерные для песен медвежьего цикла, с повторами, эфемизмами, табуированной лексикой. В структуру песен, сопровождающихся танцем, входят такие константные элементы как: описание конкретного танцора, его одежды, поклон медведю перед исполнением, многочисленность зрителей, которых завораживает танцор, описание самого танца, сохранившего магические движения; отмечается, кому он адресован; имеется обращение к медведю; прогнозируется желаемый результат пляски в виде удачи на охоте, семейного благополучия, здоровья. С помощью информативного речевого жанра представлены описание танцора, его одежды и танца. Речевой жанр «обращение» характеризуется использованием типичных для хантыйского этикета форм вежливости, так как после завершения медвежьих игрищ медведь, являясь сыном *Торума*, станет покровителем рода, селения. Уникальность обращений, используемых в этих песнях, состоит в мифологическом смысловом наполнении и духовном сближении людей и адресата.

Список источников и литературы

1. Гриневич А. А. Поэтика обрядовых песен медвежьего праздника казымских хантов: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2012. 166 с.
2. Гриневич А. А. Устойчивые элементы поэтической системы обрядовых песен медвежьего праздника казымских хантов: поэтическая формула // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 19–28.
3. Гриневич А. А. О структурной организации обрядовых песен медвежьего праздника казымских хантов // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 18–27.

¹ Архив Белоярского филиала ОУИПИИР. Рукописи Евы Шмидт БЯФ 1/30.1 д. Юильск, Белоярский район, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра 07.01.1991 (информант Тарлин Семён Егорович, 1932–2017).

4. Каксина Е. Д. Кулик в фольклоре казымских хантов // Филологический аспект. 2022. № 3 (83). С. 14–22.
5. Каксина Е. Д. Феномен «дороги» в традиционной культуре казымских хантов (на материале обрядовых песен «Медвежьи игрища») // Современное педагогическое образование. 2023. № 6. С. 273–277.
6. Ляшенко А. А. Императивные речевые жанры в контексте анализа документоведов кафедры в жанровом аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71). Ч. 2. С. 103–107.
7. Молданов Т. А., Сидорова Е. В. Медвежьи игрища: танцы и песни. Ханты-Мансийск: Печатное дело, 2010. 440 с.
8. Молданова Т. А. Пельымский Торум – устроитель медвежьих игрищ. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2010. 224 с.
9. Онина С. В. Императив в грамматической системе хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2017. 292 с.
10. Потпот Р. М. Анализ фольклорных эпитетов (на примере орноморфных обликов божеств в текстах медвежьих песен) // Современное педагогическое образование. 2022. № 10. С. 177–181.
11. Потпот Р. М. Культурологический анализ песни «Пойтэк ими ар» (из репертуара Медвежьего праздника) // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. XXI Югорские чтения (20 декабря 2022 г., Ханты-Мансийск). Тюмень: ФОРМАТ-72, 2023. С. 181–186.
12. Потпот Р. М. Традиционная модель мира в песенном фольклоре хантов // Современное педагогическое образование. 2023. № 6. С. 245–249.
13. Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974. 215 с.
14. Сенкевич-Гудкова В. В. Мамонт в фольклоре и в изобразительном искусстве казымских хантов // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. XI. С. 156–159.
15. Соловар В. Н. Функционально-семантические особенности языка хантыйской личной песни (на материале казымского диалекта) // Вестник угроведения. 2015. № 3 (22). С. 41–50.
16. Чернецов В. Н. Медвежий праздник у обских угров / пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. Томск: изд-во Том. ун-та. 2001. 48 с.
17. Шмелёва Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. 1990. № 2. С. 20–32.
18. Шмидт Е. Традиционное мировоззрение северных обских угров по материалам культа медведя: дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1989. 226 с.
19. Austerlitz R. Ob-Ugric Metrics. The metrical structure of Ostyak and Vogul folk-poetry. Helsinki: Suomalainen tiedeakatemia; Academia scientiarum Fennica, 1958. 128 p. (Folklore Fellow Communications, № 174).
20. Austerlitz R. Text and melody in Mansi songs // Current musicology, spring. New-York: Columbia University, 1966. Pp. 37–57.
21. Munkacsy B. Vogul népköltési gyűtemény. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1896. K. IV. 440 p.
22. Steinitz W. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen. Stockholm: [w/p], 1941. 208 p.
23. Väisänen A. O. Untersuchungen über die Ob-Ugrischen Melodien. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1939. Pp. 159–163.

Полевые материалы автора

ПМА – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Казым, Белоярский район, ХМАО-Югра, декабрь 2016 г. (информант: Андрей Александрович Ерныхов, 1944 г. р.)

References

1. Grinevich A. A. *O strukturnoj organizacii obryadovykh pesen medvezh'ego prazdnika kazym'skix xantov* [On the structural organization of the ceremonial songs of the Bear Holiday of the Kazym Khanty people]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2018, no. 4, pp. 18–27. (In Russian)
2. Grinevich A. A. *Poetika obryadovykh pesen medvezh'ego prazdnika kazym'skix hantov* [Poetics of the ritual songs of the Bear Holiday of the Kazym Khanty people]. Ulan-Ude, 2012. 166 p. (In Russian)
3. Grinevich A. A. *Ustoichivye elementy poeticheskoi sistemy obryadovykh pesen medvezhego prazdnika kazym'skix hantov: poeticheskaia formula* [Stable elements of the poetic system of the ritual songs of the Bear Holiday of the Kazym Khanty people: poetic formula]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2016, no. 4, pp. 19–28. (In Russian)
4. Kaksina E. D. *Kulik v fol'klore kazym'skix hantov* [A sandpiper in the folklore of the Kazym Khanty people]. *Filologicheskij aspekt* [Philological Aspect], 2022, no. 3 (83). (In Russian)
5. Kaksina E. D. *Fenomen "dorogi" v tradicijnoj kul'ture kazym'skix hantov (na materiale obryadovykh pesen "Medvezh'i igrishcha")* [Phenomenon of a "road" in the traditional culture of the Kazym Khanty people (on the material of the ritual songs of the "Bear Games")]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern Pedagogical Education], 2023, no. 6, pp. 273–277. (In Russian)
6. Lyashenko A. A. *Imperativnye rechevyje zhanry v kontekste analiza dokumentoveda kafedry v zhanrovom aspekte* [Imperative speech genres in the context of the analysis of the department's documentarian in the genre aspect]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2017, no. 5, pp. 103–107. (In Russian)
7. Moldanov T. A., Sidorova E. V. *Medvezh'i igrishcha: tancy i pesni* [Bear Games: dances and songs]. Khanty-Mansiysk: Pechatnoe delo Publ., 2010. 440 p. (In Russian)
8. Moldanova T. A. *Pelymskij Torum – ustroitel' medvezh'ih igrishch* [Pelym Torum – the organizer of the Bear Games]. Khanty-Mansiysk: Polygraphist Publ., 2010. 224 p. (In Russian)
9. Onina S. V. *Imperative in the grammatical system of the Khanty language* [Imperative in the grammatical system of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk: Print Class Publ., 2017. 292 p. (In Russian)

10. Potpot R. M. *Analiz fol'klorny'x e'pitetov (na primere ornitomorfny'x oblikov bozhestv v tekstax medvezh'ix pesen)* [Analysis of folklore epithets (on the example of ornithomorphic images of deities in the texts of the Bear songs)]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern Pedagogical Education], 2022, no. 10, pp. 177–181. (In Russian)
11. Potpot R. M. *Kul'turologicheskij analiz pesni "Poite'k imi ar" (iz repertuara Medvezh'ego prazdnika)* [Culturological analysis of the song "Poitek Imi Ar" (from the repertoire of the Bear Holiday)]. *Korenny'e malochislenny'e narody' Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: tradicii i innovacii: Materialy' Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii XXI Yugorskie chteniya (20 dekabrya 2022 g., Xanty'-Mansijsk)* [Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference XXI Yugra Readings (December 20, 2022, Khanty-Mansiysk)]. Tyumen: Format-72 Publ., 2023. Pp. 181–186. (In Russian)
12. Potpot R. M. *Tradicionnaya model' mira v pesennom fol'klоре xantov* [Traditional model of the world in Khanty song folklore]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern Pedagogical Education], 2023, no. 6, pp. 245–249. (In Russian)
13. Roshianu N. *Tradicionnye formuly skazki* [Traditional fairy tale formulas]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 215 p. (In Russian)
14. Senkevich-Gudkova V. V. *Mamont v fol'klоре i v izobrazitel'nom iskusstve kazy'mskix xantov* [Mammoth in folklore and in the visual art of the Kazym Khanty people]. *Sbornik Muzeja antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow; Leningrad: [w/p], 1949. Vol 11. Pp. 156–159. (In Russian)
15. Solov'ar V. N. *Funkcional'no-semanticheskie osobennosti yazyka hantyjskoj lichnoj pesni (na materiale kazym'skogo dialekta)* [Functional and semantic features of the language of a Khanty personal song (on the material of the Kazym dialect)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2015, no. 3 (22), pp. 41–50. (In Russian)
16. Chernetsov V. N. *Medvezhij prazdnik u obskih ugrov* [Bear Holiday of the Ob Ugrians]. Transl. from German and publ. N. V. Lukina. Tomsk: Tom. un-ta. Publ., 2001. 48 p. (In Russian)
17. Shmeleva T. V. *Rechevoj zhanr: Vozmozhnosti opisaniya i ispol'zovaniya v prepodavanii yazyka* [Speech genre. Possibilities of description and use in language teaching]. *Russistik. Rusistika. Nauchnyj zhurnal aktual'nyh problem prepodavaniya russkogo yazyka* [Russistik. Russian studies. Scientific journal of actual problems of teaching the Russian language], 1990, no. 2, pp. 20–32. (In German)
18. Schmidt E. *Tradicionnoe mirovozzrenie severnyh obskih ugrov po materialam kul'ta medvedya* [Traditional worldview of the Northern Ob Ugrians based on the materials of the Bear cult]. Leningrad, 1989. 226 p. (In Russian)
19. Austerlitz R. *Ob-Ugric Metrics. The metrical structure of Ostyak and Vogul folk-poetry*. Helsinki: Suomalainen tiedeakatemia; Academia scientiarum Fennica, 1958. 128 p. (Folklore Fellow Communications, № 174). (In English)
20. Austerlitz R. *Text and melody in Mansi songs. Current musicology, spring*. New-York: Columbia University, 1966. Pp. 37–57. (In English)
21. Munkacsy B. *Vogul nepkoltesi gyutemeny*. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1896. K. IV. 440 p. (In German)
22. Steinitz W. *Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen*. Stockholm: [w/p], 1941. 208 p. (In German)
23. Vaisanen A. O. *Untersuchungen uber die Ob-Ugrischen Melodien*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1939. Pp. 159–163. (In German)

Field materials of the author

Field materials of the author – c. *Kazym, Beloyarskij rajon, HMAO – Yugra, dekabr' 2016 g. (Informant: Andrej Aleksandrovich Ernyhov, 1944 g. r.)* [Kazym village, Beloyarsky District, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, December 2016 (Informant: Andrey Alexandrovich Yernykhov, 1944 year of birth)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Потпот Римма Михайловна, начальник Белоярского филиала Фольклорного Центра, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628174, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Белоярский район, с. Казым, ул. Каксина, д. 12), кандидат филологических наук.

ugraomnilife@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0282-4586

ABOUT THE AUTHOR

Potpot Rimma Mikhaylovna, Head, Beloyarsky Branch of the Folklore Center, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628174, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Beloyarsky District, Kazym, Kaksin Str., 12.), Candidate of Philological Sciences.

ugraomnilife@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0282-4586